

Научная статья

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-68-87><https://elibrary.ru/AXAFVK>

УДК 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Анна ДОБРЯШКИНА

«КАК ДОРОГО ПРИХОДИТСЯ ПЛАТИТЬ ЗА ТО, ЧТОБЫ ВСТУПАТЬСЯ ЗА СОВЕТЫ»: ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР В АМЕРИКАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (часть третья: 1950–1958 гг.)

Аннотация: В статье рассматривается последний период жизни немецкого писателя Лиона Фейхтвангера в американской эмиграции. Начало холодной войны, проявившее себя в США также как эпоха маккартизма, ассоциировалось у Фейхтвангера с первыми годами нацизма в Германии и началом оккупации нацистами Франции. В так называемой антиамериканской деятельности подозревались преимущественно эмигранты, имевшие коммунистические взгляды или поддерживавшие антиядерную позицию Советского Союза. И сам Фейхтвангер, и его друзья (Б. Брехт, Х. Эйслер, Чарли Чаплин, Т. Манн) подозревались в связях с коммунистами и СССР. Эйслер был выдворен из США, Брехт улетел в Париж сразу после вызова в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, Чаплину аннулировали въездную визу во время его пребывания в Лондоне, Томас Манн, подвергавшийся травле в американской прессе, добровольно остался в Швейцарии. Фейхтвангер, находившийся под наблюдением ФБР с момента своего въезда в США, не мог получить американское гражданство, которое гарантировало бы ему возможность возвращения при выезде в Европу. Новая волна нападок в американских СМИ была связана с получением писателем в 1953 г. Национальной премии ГДР. После встречи в 1955 г. с делегацией советских журналистов в доме Фейхтвангера за писателем окончательно закрепился статус «друга Советского Союза». Хотя с этого времени романы Фейхтвангера начали издаваться на русском языке, что имело для него огромное значение, последние годы жизни писателя, по воспоминаниям его вдовы, Марты Фейхтвангер, были наполнены постоянным страхом депортации. Даже несмотря на тяжелую болезнь Фейхтвангера, в его доме, на вилле «Аврора», проводились многочасовые допросы Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и агентами ФБР, что, как объясняли писателю, было необходимо для его натурализации. Марте Фейхтвангер было предоставлено американское гражданство сразу после смерти ее мужа.

Ключевые слова: холодная война, СССР, США, маккартизм, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, Лион Фейхтвангер, Арнольд Цвейг, Томас Манн, Национальная премия ГДР.

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>. E-mail: annica@list.ru.

Для цитирования: Добряшкина А.В. «Как дорого приходится платить за то, чтобы вступаться за Советы»: Лион Фейхтвангер в американской эмиграции (часть третья: 1950–1958 гг.) // Литература двух Америк. 2025. № 19. С. 68–87. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-68-87>

Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия / СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Research Article

<https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-68-87><https://elibrary.ru/AXAFVK>

UDC 821.111(73).0+821.161.1P.0

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Anna DOBRYASHKINA

“HOW DEARLY ONE PAYS FOR DEFENDING THE SOVIETS”: LION FEUCHTWANGER IN THE AMERICAN EXILE (Part III: 1945–1950)

Abstract: The article examines the final period of Lion Feuchtwanger's life during his American exile. The onset of the Cold War, which manifested itself in the United States as the era of McCarthyism, evoked for Feuchtwanger strong parallels with the early years of Nazism in Germany and the beginning of the Nazi occupation of France. Suspicions of “un-American activities” fell primarily upon émigrés who held communist sympathies or supported the Soviet Union's anti-nuclear stance. Both Feuchtwanger himself and his close associates—including Bertolt Brecht, Hanns Eisler, Charlie Chaplin, and Thomas Mann—were suspected of communist affiliations and ties to the USSR. Eisler was deported from the United States; Brecht fled to Paris immediately after being summoned to testify before the House Un-American Activities Committee (HUAC); Chaplin's re-entry visa was revoked while he was in London; and Thomas Mann, subjected to sustained vilification in the American press, chose to remain permanently in Switzerland. Feuchtwanger, who had been under FBI surveillance since his arrival in the United States, was denied American citizenship — a status that would have guaranteed his right to re-enter the country after traveling to Europe. A renewed wave of attacks in the American press followed his receipt in 1953 of the National Prize of the German Democratic Republic (GDR). After hosting a delegation of Soviet journalists at his home in 1955, Feuchtwanger was definitively branded as a “friend of the Soviet Union.” Although his novels began to be published in Russian from this period onward — a development of profound personal significance to him — the final years of his life, according to the recollections of his widow, Marta Feuchtwanger, were marked by persistent fear of deportation. Despite his severe illness, HUAC and FBI agents conducted prolonged interrogations at his residence, Villa Aurora, which officials claimed were necessary prerequisites for his naturalization. Marta Feuchtwanger was granted American citizenship only after her husband's death.

Keywords: The Cold War, the USSR, the USA, McCarthyism, House Committee on Un-American Activities (HUAC), Lion Feuchtwanger, Arnold Zweig, Thomas Mann, the National Prize of the GDR.

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya st. 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>. E-mail: annica@list.ru.

For citation: Dobryashkina, Anna “‘How Dearly One Pays for Defending the Soviets’: Lion Feuchtwanger in the American Exile (Part III: 1945–1950)”. *Literature of the Americas*, no. 19 (2025): 68–87. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2025-19-68-87>

Acknowledgements: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no 23-18-00393, “Russia and the West viewing each other: Literature at the intersection of culture and politics, XX century”, <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

В конце 1940-х гг., когда разделенная Германия праздновала двухсотлетие со дня рождения Гете, а США и Советский Союз уже противостояли друг другу в холодной войне, современная дьяволиада пополнилась новым сочинением Лиона Фейхтвангера. Его пьеса *The Devil in Boston* (в рус. пер. «Помрачение умов, или дьявол в Бостоне»), в отличие от произведений калифорнийских соседей-эмигрантов — романа Томаса Манна «Доктор Фаустус» (1947) и оперы Ханса Эйслера «Иоганнес Фаустус» (1952) — с творением Гете не имела ничего общего. Скорее, она обнаруживала родство с собственным текстом писателя, изданным в США сразу после его бегства из Европы, — книгой воспоминаний о французских концлагерях *The Devil in France* («Черт во Франции»). Сходство было не только в названиях двух американских изданий. Атмосфера страха, выслеживания агентами ФБР, доносов, допросов, проводимых Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности (House Committee on Un-American Activities, HUAC) вынуждала Фейхтвангера ощущать преемственность эпох:

Наша собственная ситуация здесь не так завидна, как, должно быть, Вы себе представляете. Она болезненно напоминает наше положение в 1932 году и мою жизнь в Санари зимой 1939/1940. То есть внешне человек живет очень хорошо, но он не может отвести взгляд от в общем-то черной тучи, которая, возможно, пройдет мимо, —

писал он в 1948 г. Арнольду Цвейгу¹.

Пьеса (это был, по словам Марты Фейхтвангер, результат «интеллектуальной подпольной работы»²) использовала американский материал — историю знаменитого Салемского процесса над ведьмами 1692 г., однако в действительности изображала эпоху маккартизма. «Дьявол в Бостоне» был написан под впечатлением от начавшейся

¹ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 17.2.1948. *Lion Feuchtwanger — Arnold Zweig. Briefwechsel 1933–1958*. Bd. 1: 1933–1948. Frankfurt / M.: Fischer Verl., 1986: 497. Далее ссылки на это изд. даются в круглых скобках с пометой “BAZ” и указанием номеров тома и страниц. Все переводы с нем. и англ. яз. мои, если не указано иначе.

² *An Émigré Life*. Munich, Berlin, Pacific Palisades. Marta Feuchtwanger interviewed by Lawrence M. Weschler. Vol. IV. Los Angeles: University of California, 1976: 1516.

после смерти президента Рузвельта антикоммунистической истерии: преследования немецкого композитора Ханса Эйслера и других эмигрантов коммунистических взглядов, обвинявшихся в антиамериканской деятельности. Эйслеры, которые своим скандальным выдворением из США «внесли такой вклад в создание пьесы»³, получили книгу сразу после ее выхода из печати (на этот раз немецкоязычное издание опередило англоязычное⁴).

Постановка «Дьявола в Бостоне», ожидаемая Фейхтвангером в 1948 г. в Нью-Йорке и анонсированная много раз американской прессой, состоялась лишь через четыре года⁵. Спектакли в театрах западного Франкфурта-на-Майне (премьера 15.3.1949, Kleines Theater am Zoo, реж. Ф. Шпер) и восточного Берлина (премьера 25.3.1949, Max Reinhardts Deutsches Theater, Kammerspiele, реж. В. Кюне), как, впрочем, и небольшого театра Лос-Анджелеса (премьера 20.2.1952, Circle Theater, реж. Б. Цемах⁶) показали, что политический смысл пьесы, важный для автора, не был понят ни немцами, ни русскими, ни американцами. Для западных немцев, «вытеснивших политическое содержание», оказалось интереснее представить на сцене «патологическую»⁷ и мистическую сторону происходившего; на восточных немцев, и «особенно русских»⁸ «Дьявол в Бостоне» «произвел впечатление засушенных цветов», поскольку сразу они не уловили

³ Feuchtwanger an Eisler. Pacific Palisades, 14.4.1948 (Feuchtwanger, Lion. *Briefwechsel mit Freunden 1933–1958*. In 2 Bdn, Bd. 2. Hrsg. H.v. Hofe. Berlin: Aufbau, 1991: 134. Далее ссылки на это изд. даются в круглых скобках с пометой “BmF” и указанием номеров тома и страниц).

⁴ *Wahn oder der Teufel in Boston*. Ein Stück in drei Akten. Los Angeles: Pazifische Presse, 1948. 112 S.

⁵ Пьеса Фейхтвангера оказалась «в тени» пьесы «Суровое испытание» (“The Crucible”) на ту же тему американского драматурга Артура Миллера, которая была написана на ту же тему как раз в 1952 г. и имела неслыханный успех. Несмотря на то что ходили слухи о плагиате, сам Фейхтвангер, по воспоминаниям его вдовы Марты, не считал Миллера способным на это и высоко ценил его творчество. Марта Фейхтвангер говорила впоследствии, что сам Миллер не стал бы писать пьесу на ту же тему, как и его коллега, однако он, видимо, не знал о существовании «Дьявола в Бостоне» и не слышал о немецких постановках. По ее мнению, сюжет был подсказан Миллеру одним из театральных директоров, знакомых с сочинением мужа.

⁶ Биньямин (Вениамин Лазаревич) Цемах (Benjamin Zemach, 1901–1997) — актер, режиссер, балетмейстер. Родился под Белостоком, до 1926 г. жил в Москве, во время гастролей остался в США.

⁷ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 19.4.1949 (BAZ: II: 15).

⁸ Zweig an Feuchtwanger. Berlin, 2.4.1949 (BAZ: II: 13).

даже «параллель с гитлеризмом»⁹; наконец, американская критика, хотя и расточала комплименты, исходила преимущественно из исторического контекста. «Не все поняли, что это было. Для многих это была лишь интересная страница истории, которую они не знали», — вспоминала Марта Фейхтвангер и замечала, что, впрочем, этого также добивался ее муж, поскольку он никогда «не собирался писать пропагандистскую пьесу»¹⁰. Сам же автор «при объяснении мотивов и намерений пьесы был, как никогда, сдержан в комментариях» [Dahlke 1984: 783]. Тем более что «охота на ведьм» с 1930-х гг. ассоциировалось в американской журналистике с совершенно конкретным понятием — “Red witch hunt” (охота на коммунистов) — и вряд ли могла ввести рецензентов в заблуждение. Однако Фейхтвангер говорил с интервьюерами лишь об исторических фактах. В итоге местная газета констатировала неслыханный рекорд: в Лос-Анджелесе спектакль «шел 18 недель»¹¹ и «был показан более ста раз, что означает для Голливуда беспрецедентный успех»¹². Вместе с тем Фейхтвангер показывал больше, чем одну лишь политическую параллель: интерпретируя события и их причинно-следственную связь, он отводил общественным волнениям роль не следствия, а «одной из причин охоты на ведьм, причем инициированные в этом направлении процессы использовались определенными силами как отвлекающий маневр для сокрытия настоящей борьбы за власть» [Maierhofer 2008: 102].

Так же, в историческом, а не политическом ключе, был воспринят в США роман о Гойе *This is the Hour* (букв.: «Час настал»)¹³, в рус. пер. «Гойя, или тяжкий путь познания»). Изданный в 1951 г. и тепло принятый критикой, роман продолжал тему охоты на ведьм, и призрак святой инквизиции имел в произведении современного двойника — Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности:

Инквизиция была для Лиона Фейхтвангера не только историческим фактом, она показывала сходство современности, национал-социализма и периода маккартизма здесь, в Америке [цит. по: Skierka 1984: 252].

⁹ Ibid.

¹⁰ *An Émigré Life*: 1439.

¹¹ “Circle Breaks Run Record.” *LA Times* 73 (16.5.1954): 84.

¹² Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 2.6.1952 (BAZ: II: 159).

¹³ Так называется лист 80 из сюиты «Капричос» Ф. Гойи (“Ya es hora” – «Уже пора»).

Успех пьесы и романа, несмотря на раздражавшие «почти гимнические, однако в основном очень глупые»¹⁴ рецензии в *New York Times* и *Saturday Review of Literature*, был для автора определенным утешением. Со времени публикации *Proud Destiny* («Оружия для Америки»), ставшего «Лисами в винограднике», что окончательно запутало историю создания романа [см. Добряшкина 2025]), у писателя появилось давившее на него ощущение неверного понимания его творчества и его политической позиции. Это ощущение усугублялось сложными отношениями с читателями в ФРГ. Издания произведений Фейхтвангера в ГДР, его публикации в восточногерманской периодике и статьи о нем, приветственные сообщения В. Пику «сильно затрудняли продажу книг, появившихся в западногерманских издательствах»¹⁵. Исследователь творчества Карл Кренке указывал на целый комплекс проблем, существовавших для аудитории в Западной Германии:

[...] мотивы, по которым читатели отказывались от его книг, начинались с его прокоммунистической позиции, включали низкую оценку его литературного творчества и заканчивались антисемитской враждебностью [Kröhnke 1991].

Собственно, читатели ФРГ в своем отношении к писателю-эмигранту придерживались идеологических установок послевоенной эпохи. Мюнхенский университет, например, лишь в конце 1952 г., при этом без какой-либо торжественности, снова признал докторскую степень Фейхтвангера, которой тот лишился вместе с гражданством сразу после прихода к власти нацистов. В самом СССР, на читателей которого писатель всегда возлагал большие надежды, его произведения после публикации романа «Симона» в 1946 г. и до перевода и издания романа «Гойя» в 1955 г. не выходили; впрочем, отношение к нему улучшалось, хотя и очень медленно. К этому времени в США не осталось никого, кто бы, как раньше Г. Хейфец или Ф.К. Вайскопф, знал писателя лично и информировал о ситуации в Калифорнии Союз писателей или ВОКС. Эту функцию частично взял на себя постоянный эпистолярный собеседник Фейхтвангера А. Цвейг, который, общаясь с советскими коллегами, прежде всего, с консультантом по немецкой

¹⁴ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 29.5.1951 (BAZ: II: 126).

¹⁵ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 31.12.1951 (BAZ: II: 151).

литературе Иностранной комиссии СП В. Стеженским, старался говорить о Фейхтвангере как о надежном друге Советского Союза:

В разговорах с писателями и сотрудниками ВОКС, которые меня о Вас спрашивали, я снова и снова указывал на Вашу неизменную твердую позицию, рассказывал о «Гойе» и «Мудрости чудака», представил в правильном свете «Оружие для Америки» и вообще овеял теплом Ваше имя и Ваши книги¹⁶.

Весной 1952 г. письмо А. Цвейгу Фейхтвангер закончил словами: «Ваш старый, затравленный Фейхтвангер»¹⁷. Ситуация Фейхтвангера в Америке, несмотря на его сетования в письмах, в целом была до осени 1953 г. вполне приемлемой. Его имя не ассоциировалось с каким-либо скандальным событием; открытой антипатии в обществе писатель не вызывал, хотя, естественно, Фейхтвангеров перестали приглашать на местные светские мероприятия (друг Советского Союза делал вид, что не замечает этого); его вдова смогла вспомнить лишь непримиримую позицию Ирвинга Стоуна. Известный американский писатель при жизни Фейхтвангера демонстративно избегал с ним общения как «другом Сталина»¹⁸, а после его смерти бойкотировал его вдову Марту.

После выдворения Эйслеров и бегства Брехта Фейхтвангер старался как можно реже участвовать в каких-либо мероприятиях и полностью посвятил себя работе. Марта Фейхтвангер десятилетия спустя рассказывала, что он прятался в работу, как в «мышиную нору», стараясь казаться таким крошечным — сознательно, даже намеренно, — насколько это было возможно. Только чтобы никто не знал, что он существует»¹⁹. Речь шла в это время не о получении гражданства, а о том, чтобы не последовать за Эйслерами; состояние страха, которое описывала Марта Фейхтвангер, даже стало причиной ее болезни:

во время работы Комиссии по антиамериканской деятельности и тем более в эпоху Маккарти, мое сердце останавливалось каждый раз, когда раздавался дверной звонок — это было почти как во Франции во время бегства от нацистов, поскольку я всегда думала: ну вот сей-

¹⁶ Zweig an Feuchtwanger. Misshor, 24.3.1952 (BAZ: II: 154).

¹⁷ Feuchtwanger an Zweig. Pacific Palisades, 12.5.1952 (BAZ: II: 158).

¹⁸ *An Émigré Life*: 1532.

¹⁹ Ibid.: 1516.

час нас вызовут в Вашингтон. И это было бы концом нашей жизни, поскольку у нас был наш огромный дом и наша большая библиотека, а в случае выдворения из Америки мы не смогли бы вернуться²⁰.

К концу жизни писатель действительно стал настоящим затворником — правда, на все увеличивающемся участке земли вокруг виллы, который Марта Фейхтвангер превратила в ботанический сад.

Охота спецслужб за Фейхтвангером продолжалась, в соответствующие ведомства продолжали поступать регулярные отчеты, но газетные сообщения касались в основном литературной деятельности писателя и были в любом случае благожелательны. Напротив, сосед Томас Манн, отношения с которым у Фейхтвангера за десятилетия неизбежного общения «стали в конце концов более глубокими» [Skierka 1984: 238], постоянно находился в фокусе внимания не только агентов ФБР, но и журналистов. Автор «Доктора Фаустуса», имевший американское гражданство с 1944 г. (о чем не уставала напоминать пресса) и, следовательно, возможность выезжать из США и возвращаться, активно делился своими мыслями о Германии и демократии, при этом «чтобы не “испортить все в Америке”, он вынужден был иной раз идти на неприятные для себя компромиссы и отказываться от своих слов» [Баскаков 2021: 148]. Сложно сказать, как сложилась бы дальнейшая судьба Фейхтвангера и Т. Манна, если бы первый обладал американским паспортом, а второй — более изощренным политическим мышлением.

Почетный доктор многих американских университетов, в том числе Гарвардского и Принстонского, очень скоро оказался объектом травли, которой пока удавалось избегать Фейхтвангеру. Журналисты интересовались каждым шагом нобелевского лауреата и видели в каждом его действии симпатию к коммунизму. Его дочь Эрика Манн вызывала у служб не меньший интерес (в марте 1950 г. она участвовала, например, в «срочной конференции по ренацификации Германии»²¹ в американской оккупационной зоне, причем спонсором конференции, организуемой при содействии Американского еврейского конгресса в Сан-Франциско в отеле люкс *Fairmont*, был объявлен Томас Манн²²).

²⁰ Ibid.: 1370.

²¹ “Erika Mann To Speak at Meeting Here.” *San Francisco Chronical* 70 (26.3.1950): 10.

²² “Mann Sponsoring Session on Nazis.” *The San Francisco Call Bulletin* 27 (20.3.1950): 5.

Тексты неизменно ядовитых заметок не отличались в большинстве случаев ни содержательностью, ни высоким слогом.

Манн, дом которого находится в Калифорнии, сейчас на пути в Европу. Он собирается отпраздновать свое 75-летие 6 июня в Цюрихе²³;

Коммунистическая партия Западной Германии вчера передала родившемуся в Германии автору Томасу Манну поздравления с 75-летием. Манн бежал от Гитлера, и теперь он гражданин Соединенных Штатов. Он популярен среди коммунистов как здесь, так и у себя на родине. Это сомнительная честь²⁴.

Во время торжественного празднования своего 75-летия Томас Манн снова восхвалял коммунизм²⁵.

Получив американское гражданство в 1944 г., романист Томас Манн живет в комфорте на свои гонорары в Санта-Монике, штат Калифорния. Если бы на этом история закончилась, можно было бы считать, что США повезло с его проживанием здесь и его клятвой верности Америке. Но история Томаса Манна, которого приютили американцы, продолжилась, и в конце этой нехорошей истории оказалось, что США заключили не такую уж и выгодную сделку, когда романист внес в казну свою пошлину за натурализацию. Манн — участник коммунистического фронта [...] ²⁶.

«Красный апологет»²⁷, «спустившийся с Волшебной горы, чтобы играть в мяч с коммунистами»²⁸, каждый раз публиковал опровержения и отрицал свою связь с коммунизмом и СССР; наконец, в ноябре 1952 г. газеты подтвердили решение Маннов остаться в Швейцарии.

1952 г. не был простым для Фейхтвангера: друзья Чарли Чаплин и Томас Манн навсегда уехали из США, и «в Лос-Анджелесе

²³ “German Future Held Uncertain.” *The Sacramento Union* 75–223 (30.4.1950): 17.

²⁴ “Recognition by the Enemy.” *LA Evening Citizen News* 46–58 (7.6.1950): 1.

²⁵ “Thomas Mann Praises Communism Once Again.” *The Tidings* (18.8.1950): 32.

²⁶ Lyle C. Wilson. “Novelist Thomas Mann Aiding Communist Fronts.” *Redlands Daily Facts* 48, (28.3.1951): 4.

²⁷ “Thomas Mann ‘Red Apologist’.” *LA Evening Citizen News* 47–68 (19.6.1951): 6.

²⁸ “Worth Reprinting.” *The Daily American* 180 (30.1.1952): 9.

стало довольно одиноко»²⁹. Если в случае Маннов переселение было запланировано, то Чаплин собирался лишь побывать в Лондоне на мировой премьере своего фильма «Огни рампы» (“Limelight”, премьера 16.10.1952), однако его въездная виза, несмотря на все награды, полученные за новый фильм в Европе, была аннулирована. Чаплин также остался в Швейцарии. В конце года Манн писал Фейхтвангеру, что теперь «их имена всегда рядом, и никто не скрывает своей радости»³⁰.

В сентябре 1952 г. Фейхтвангер узнал о том, что правительство ГДР хотело бы присудить ему Национальную премию. По отношению к американскому эмигранту власти ГДР держали себя очень деликатно; понимающий ситуацию Цвейг замечал, что принимать предложение необязательно сейчас, когда свирепствует Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности. Фейхтвангера, правда, пугал не столько призрак Комиссии, сколько возможная неудача на западногерманском книжном рынке: издатели как раз в это время готовы были начать публиковать его книги в ФРГ. Писатель обратился с просьбой перенести присуждение премии на 1953 г. к Эриху Вендту, генеральному секретарю Культурбунда ГДР, который тут же вошел в положение писателя-эмигранта³¹.

До получения Национальной премии ГДР в калифорнийской жизни Фейхтвангера был непродолжительный период покоя и признания. Газеты расхваливали роман о Руссо *Tis Folly To Be Wise*³² (букв.: «Глупо быть мудрым»; в рус. пер. «Мудрость чудака»), продолжавший серию произведений о революциях, хотя это было сочинение, которым сам писатель остался недоволен. Более того, автор одной из статей («Отец двух революций — герой для Фейхтвангера»)

²⁹ Feuchtwanger an Thomas Mann. Pacific Palisades, 16.12.1952 (BmF: I: 145).

³⁰ Thomas Mann an Feuchtwanger. Erlenbach-Zürich, 28.12.1952 (BmF: I: 146).

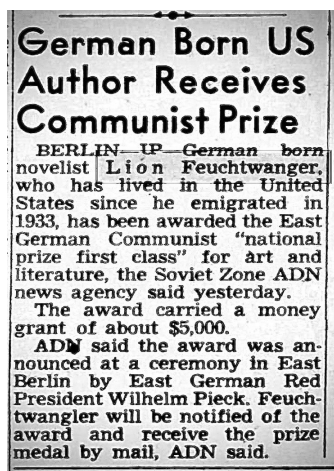
³¹ С 1951 по 1953 гг. читателю ФРГ были доступны следующие романы Фейхтвангера, напечатанные во Франкфурте-на-Майне издательством *Frankfurter Verlagsanstalt*: *Goya*, 1951; *Josephus. Roman-Trilogie*, 1952; *Jud Süß*, 1952; *Narrenweisheit oder Tod und Verklärung des Jean-Jaques Rousseau*, 1952; *Die hässliche Herzogin*, 1953.

³² Роман также был опубликован на немецком языке в США. L. Feuchtwanger. *Narrenweisheit oder Tod und Verklärung des Jean-Jaques Rousseau*. Los Angeles: Pazifische Presse, 1952. 293 S. В американском названии используется последняя строка «Оды на отдаленный вид Итонского колледжа» (“Ode on a Distant Prospect of Eton College”, 1747) английского поэта Томаса Грея. В первом переводе оды («Ода на отдаленный вид Итонской коллегии», 1803) П.И. Голенищева-Кутузова строка звучит как «Там буйство есть ученым быть».

наконец-то решил разъяснить американскому читателю орфоэпические тонкости произнесения фамилии Фейхтвангера³³, которая, по свидетельству Томаса Манна, произносилась в США не иначе, как «Фушт-уэншер» (Fusch-t-uänscher)³⁴:

Во-первых, необходимо разобраться с произнесением имени автора. Но это совсем не так просто, поскольку издатели романов 1951 и 1953 годов не сходятся во мнении; они дают такие варианты соответственно: Фойкт-вангер и Фойшт-вонгер³⁵.

Был ли Фойшт-вонгер действительно благозвучнее Фушт-уэншера, сказать сложно, но в любом случае, Томас Манн был прав: «Не

«Родившийся в Германии американский писатель получает коммунистическую премию». *The Modesto Bee* 76, no. 240. (Oct. 07, 1953): 13.

было имени именитее и непроизносимее»³⁶. Может быть, никто и не обратил бы внимания на то, как выговаривается фамилия немецкого переселенца, если бы тот в 1952 г. не решил сменить издателя своих произведений: Хюбш, с которым писатель публиковал до сих пор свои книги в США, проводил теперь все больше времени в Европе.

Когда Фейхтвангер стал лауреатом Национальной премии ГДР³⁷, он был уже на калифорнийском побережье единственным представителем «литературного Веймара». Совпадение этих двух факторов привело к тому, что нападки на писателя в американской прессе стали особенно едкими,

³³ В отечественной транслитерации фамилия писателя, как и многие другие иностранные имена, тоже не звучит аутентично. Правильное произнесение «Фойхтвангер» [ˈfɔɪçtˌvʌŋɐ].

³⁴ Mann, Thomas. "Freund Feuchtwanger," *Aufbau* (NY) 20-27 (2.7.1954): 5.

³⁵ "Father of Two Revolutions Is Hero for Feuchtwanger." *The Toronto Star* (9.5.1953): 11.

³⁶ Mann, Thomas. "Freund Feuchtwanger": 5.

³⁷ Газеты сошлись на том, что размер премии первого класса, которую получил Фейхтвангер, составлял 20 000 «восточных марок», что было эквивалентно 5 000 долларов. Размер денежного гранта премии первого класса составлял при этом 100000 марок ГДР.

а ФБР и Служба иммиграции и натурализации (Immigration and Naturalization Service, INS) начали работать над депортацией неугодного США писателя. Фейхтвангер комментировал поступавшие из-за океана знаки внимания в свойственной ему манере, ловко находя параллели и превращая год в «несколько недель»:

69-летний писатель, покинувший Германию, когда Гитлер пришел к власти, подчеркнул, что его родная страна оказывает ему честь уже во второй раз за последние несколько недель. «Несколько недель назад», — сказал он, — «университет Мюнхена (это западная зона Германии) вернул мне докторскую степень, которой меня лишило правительство Гитлера. Теперь я узнаю, что Академия Восточной Германии награждает меня Национальной премией. Я рад обоим наградам и чувствую, что одновременность этих двух событий — прекрасное свидетельство того, что, по крайней мере, в области культуры обе Германии устремлены к единству»³⁸.

Нет сомнения в том, что Томас Манн ясно представлял себе будущее своего товарища по калифорнийской эмиграции. Статью «Друг Фейхтвангер», написанную к его 70-летию, 2 июля 1954 г. опубликовали сразу две газеты: еврейская немецкоязычная *Aufbau* в Нью-Йорке и *Die Weltwoche* в Цюрихе. Нобелевский лауреат поздравлял Фейхтвангера и просил страну, из которой он сам был вынужден уехать, оставить его друга и соседа в покое:

Я шлю ему сердечные пожелания, шлю их в нашу, ставшую за последнее время что-то не очень гостеприимной, Америку, которую я вынужден убедительно просить проявить благоразумие и оставить его в покое вместе с его книгами, с цветами его сада и с его трудом, которым он оказывает честь стране, где этот труд свершается³⁹.

Оставить в покое немецкого эмигранта-антифашиста было совсем не просто. Восточная Германия продолжала демонстрировать свое восхищение писателем. Накануне его юбилея, 6 июля 1954 г., местная *Los Angeles Times* сообщала, что юридический факультет

³⁸ “German-born Novelist Wins Red Award.” *Daily News* 18-319 (7.10.1953): 10.

³⁹ Mann, Thomas. “Freund Feuchtwanger”: 6. Пер. на рус. яз. цит. по: Манн Т. Наш друг Фейхтвангер / пер. Г. Бергельсона // Манн Т. Собр. соч.: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 10. С. 513.

Берлинского университета им. Гумбольдта присудил ему ученую степень доктора права *honoris causa* за «литературное изображение освободительной борьбы угнетенных народов». Фейхтвангер, чтобы хоть как-то спасти свое положение в США, с одной стороны, и наемкнуться на безобразную кампанию против него, развернувшуюся в Восточной Германии и СССР, с другой стороны, ответил, что «он считает, эта честь была оказана ему в связи с его романом *Proud Destiny*, который лишь совсем недавно появился в Германии»⁴⁰. Разумеется, писателю никто не поверил. Через неделю появилась другая статья — в стиле самого Фейхтвангера: играющая словами, критикующая автора под видом рецензии на роман, ядовитая, — в которой «человек противоположностей» (*a man of opposites*) означал не что иное, как «человек оппозиции». В отличие от большинства текстов с фотографиями, рецензия сопровождалась карикатурным портретом писателя.

Вот он и сидит, семидесяти лет от роду с прошлого понедельника, в своем 21-комнатном доме в Калифорнии, маленький Фауст и маленький Мефистофель в одном лице, восхищаясь зрелищем человеческого благородства и жестокости, порядочности и глупости, посмеиваясь над повторяющейся комедией, и ждет следующего щедрого чека от своих издателей⁴¹.

За ученой степенью доктора права последовало избрание Фейхтвангера 27 марта 1955 г. членом-корреспондентом «Красной академии художеств»⁴². Но и это не сподвигло писателя на переезд в Европу. Цвейг ломал голову над тем, как Фейхтвангера «выманить из его рая»⁴³, предлагал ему один план за другим: переехать в ФРГ, в Западный Берлин, перевезти библиотеку, переехать, наконец, в Швейцарию. Считается, что писатель решительно отказывался возвращаться, поскольку его не устраивала политическая обстановка в обеих Германиях. В действительности, Фейхтвангер предпочитал морской климат любому политическому и, как и Томас Манн, знал еще до капитуляции рейха, что он не вернется на родину. Он открыто говорил об этом советскому резиденту Г. Хейфецу. Но, несомненно, Фейхтван-

⁴⁰ “Novelist Feuchtwanger Awarded Berlin Degree.” *LA Times* 73 (6.7.1954): 41.

⁴¹ “Men of Opposites. P.G.H.” *The Sydney Morning Herald* 285 (11.7.1954): 51.

⁴² “Feuchtwanger in Red Art Academy.” *The San Francisco Examiner* 87 (28.3.1955): 12.

⁴³ Zweig an Feuchtwanger. Berlin, 27.4.1957 (BAZ: II: 351).

делегации семерых советских журналистов и писателей, посетивших США осенью 1955 г. [см. об этом: Щербинина 2023]. По воспоминаниям главы делегации Б. Полевого и журналиста, переводчика Б. Изакова, в лос-анджелесской гостинице «Амбассадор» их ждала «приветственная телеграмма Фейхтвангера, в которой он выражал желание»⁴⁵ пригласить их в гости. Однако им объяснили, что это невозможно,

ибо он «красный» и даже «настолько красный», что простой, дружеский визит к нему может скомпрометировать вас перед лицом американской прессы и испортить всю вашу поездку⁴⁶.

Однако советская делегация подняла «бунт» и уже на следующий день, 4 ноября, подъезжала к вилле «Аврора» и ее роскошному цветущему саду («скромному дому, отгородившемуся от дороги зеленью густых кустарников»). Делегацию встретил Фейхтвангер («У него небольшое, по-крестьянски загорелое, по-крестьянски морщинистое лицо»), показал гостям дом и вывел их (через «коридорчик» мимо «балкончика») на улицу к скамейке, где когда-то была сделана знаменитая фотография Фейхтвангера и Брехта, и там состоялась «беседа, которую по очереди снимали лучшие фотографии»⁴⁷ делегации. «Фейхтвангер терпеливо позировал, пытаясь в то же время расспрашивать нас о Советском Союзе, о советской литературе»⁴⁸, — вспоминал Изаков. Вернувшись после визита в отель, советские журналисты купили вечерние «завтрашние» газеты, в которых описывалось, как

вчера, то есть сегодня, группа советских газетчиков, гостящих в Лос-Анджелесе, посетила писателя Лиона Фейхтвангера. [...] дальше говорилось, что писатель не хотел этого визита и «даже отказался фотографироваться с советскими парнями»⁴⁹.

⁴⁵ Изаков Б. «Летучие годы, дальние края»... От 20-х до 80-х. Записки старого журналиста. М.: Изд-во полит. лит., 1988. С. 298.

⁴⁶ Полевой Б. Американские дневники. М.: Сов. писатель, 1956. С. 239.

⁴⁷ Там же. С. 240, 241, 242.

⁴⁸ Изаков Б. «Летучие годы, дальние края»... С. 300.

⁴⁹ Полевой Б. Американские дневники. С. 246. — Восторженное описание этого визита к Фейхтвангеру оставили все советские гости, как в мемуарах, так и в советской периодике, см.: Грибачев Н. Семеро в Америке. М.: Сов. писатель, 1956. С. 93–99; Аджубей А. «Серебряная кошка», или Путешествие по Америке.

Одни и те же сообщения об этой встрече перепечатывались во многих периодических изданиях.

Семь русских журналистов изменили в пятницу свою программу, чтобы включить в нее прием в доме писателя Лиона Фейхтвангера, что государственная сенатская комиссия ассоциировала с деятельностью коммунистического фронта. Незапланированное изначально приглашение на прием исходило от Американско-русского института. Ранее пресса Восточного Берлина сообщала, что родившийся в Германии Фейхтвангер был избран восточногерманской Академией художеств новым членом-корреспондентом. Кроме него были названы композитор Дмитрий Шостакович и актер Чарли Чаплин. Сенатская комиссия по расследованию антиамериканской деятельности насчитывает в деле Фейхтвангера более 30 отчетов⁵⁰.

Sunday News добавляла, что «писатель официально указан в отчетах как лидер коммунистического фронта» и «упоминается в них 37 раз»⁵¹, а *Independent* напоминала, что Фейхтвангер был членом Национального совета американо-советской дружбы, который Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности называла коммунистическим фронтом⁵². *Los Angeles Times* сообщала новые подробности визита делегации, причем выявленные журналистами во время разговора с самим Фейхтвангером: тот определенно пытался нивелировать значение встречи и представить себя одним из многих писателей, которых советские журналисты собирались посетить:

Немецкий романист казался обеспокоенным встречей с советскими издателями у себя дома. Он попросил с ним не фотографироваться. Он сказал, что они ему позвонили за несколько часов до приезда и спросили, можно ли его увидеть. По словам Фейхтвангера, они ему сообщили, что хотели бы посетить как можно больше писателей во время своего пребывания⁵³.

М.: Молодая гвардия, 1956. С. 96–100; *Софронов А.В.* На ближнем и дальнем Западе. Путевые очерки. М.: Воениздат, 1968. С. 183–188 и др. Во второй половине 1950-х Фейхтвангеру доводилось еще не раз принимать у себя советских гостей.

⁵⁰ “American Throws a Party for Reds.” *The Buffalo News* (5.11.1955): 4.

⁵¹ “Russian Writer Visit Alleged Red in Hollywood.” *Sunday News* (6.11.1955): 26.

⁵² “Russ Writers Visit Home of L.A. Leftist.” *Independent*, 5.11.1955:4.

⁵³ “Touring Russ Editors See L.A. at Work.” *LA Times* 74 (5.11.1955): 1.

Фейхтвангер был действительно «настолько красным», что его досье содержало 43 подробных, однако не очень интересных отчета агентов (фиксировались не только номера автомобилей, которые парковались у виллы «Аврора», но и «просматривалось содержимое соседских мусорных контейнеров» [Flügge 2008: 341]); газетные статьи, касавшиеся в основном связи писателя с коммунизмом и СССР; перечень полученных и отправленных книг, переводы писем и телеграмм; внутреннюю переписку самих спецслужб; наконец, доносы коллег, в том числе эмигрантов. Самым удивительным примером сотрудничества со спецслужбами был сын Арнольда Цвейга, в неустроенной судьбе которого Фейхтвангер принимал самое деятельное участие. Михаэль Цвейг долгие годы был своеобразным связующим звеном, постоянной темой переписки друзей, Фейхтвангер регулярно принимал его в своем доме, оплачивал постоянные перелеты и был тронут, когда молодой человек принес ему свои извинения за предоставление информации спецслужбам. А. Цвейг об этом инциденте ничего не узнал.

Всего, начиная с 15 июня 1942 г. и до смерти писателя, состоялось шесть допросов.

Сначала мы ездили в Федеральное бюро, и там моему мужу задавали разного рода вопросы, в основном о его друзьях, а также о его поэме «Песнь павших», которую он написал в 1915 году. Они сказали, что это революционная поэма. Мой муж ответил: «Но она была против войны. Вы были нашими врагами, а если я был против войны, ну, тогда вы должны быть за меня. Это не было против кого-то еще, только против войны. И мы все знаем, что не вы развязали войну, а кайзер. [Если поэма] и была направлена против кого-то, то только против кайзера и германской армии». Это, однако, не помогло. Они назвали это «преждевременным антифашизмом» (*premature antifascism*). Это было выражением преждевременного антифашизма. Поэтому Фейхтвангер сказал: «Если я виновник преждевременного антифашизма, то я этим горжусь»⁵⁴.

Фейхтвангеры считали, что их не вызывают на допрос в Вашингтон, как остальных, потому что существовал неизвестный покровитель-библиофил. Когда адвокат М.С. Коблиц (Milton S. Koblitz), представлявший интересы писателя в деле натурализации (он же

⁵⁴ *An Émigré Life*: 1567–1568.

«Фейхтвангер и другие американские писатели». *Chicago Tribune*, no. 52 (Dec. 29, 1957): 107.

работал с композитором А. Шенбергом во время конфликта с Т. Манном из-за его «Доктора Фаустуса»), посоветовал, прежде всего, заявить о своей дистанцированности от коммунизма, писатель «сказал, что не будет этого делать. Он не изменит своего отношения, даже если не получит гражданство. Он хотел стать американцем, но не такой ценой»⁵⁵. При этом в его письмах к Цвейгу все отчетливее проступало сожаление относительно невозможности выехать в Европу.

В 1957 г., когда Фейхтвангер узнал, что он болен — правда, он так никогда и не узнал, что болен раком (по крайней мере, так считала Марта Фейхтвангер), — сотрудники Службы иммиграции и натурализации в сопровождении агента ФБР были направлены для проведения допроса на виллу «Аврора». Они интересовались его личными контактами, публикациями, прежде всего, «Москвой 1937», и убеждениями — политическими и религиозными. «Москву 1937» писатель назвал на допросе чем-то родственным историческому роману, в жанре которого он всегда и работал:

Я старался всегда оставаться вдали от политики, и я стараюсь подчеркнуть, что смотрю на мировую историю и современную историю только глазами историка [цит. по: Stephan 1998: 158].

Допросы от 8 августа 1957 г., 8 августа, 13 ноября, 20 ноября, и 24 ноября 1958 г. (после последнего допроса писатель умер) были достаточно изнурительными, они прерывались из-за плохого самочувствия и госпитализации Фейхтвангера; при этом сами подозреваемые относились к своим допросчикам снисходительно.

⁵⁵ Ibid.: 1566.

Фейхтвангер был похоронен на кладбище Санта Моника «Вудлон» (Woodlawn Cemetery), справа от могилы Генриха Манна, которая скоро была перенесена в ГДР. «Писателей здесь больше не было», — вспоминала Марта Фейхтвангер.

Фейхтвангер умер, так и не став американским гражданином, но в СССР былая популярность писателя начала возрождаться с новой силой. Эта посмертная глава его биографии неразрывно связана с деятельностью Марты Фейхтвангер, дожившей почти до ста лет: она получила американский паспорт, передала уникальную домашнюю библиотеку Калифорнийскому университету, переписывалась с Вилли Брандтом и Союзом писателей СССР (который теперь отправлял ей один за другим новые переводы романов Фейхтвангера), ездила в Восточную и Западную Германию, стала обладательницей 12-томного собрания сочинений мужа на русском языке; наконец, однажды она оказалась — в вечернем платье, под рукоплескания зала, ни слова не понимая по-русски, — в Кремлевском дворце съездов на показе фильма «Гойя»⁵⁶, снятого по его одноименному роману.

ЛИТЕРАТУРА

Баскаков 2021 — *Баскаков А.* «Я не попутчик...»: Томас Манн и Советский Союз. М., СПб.: Нестор-История, 2021.

Добряшкина 2025 — *Добряшкина А.В.* Космополит Советского Союза: Лион Фейхтвангер в американской эмиграции (часть вторая: 1945–1950 гг.) // Литература двух Америк. 2025. № 18. С. 44–65.

Щербинина 2023 — *Щербинина О.И.* «Уплывало семеро романтиков». Первая поездка группы советских журналистов в США эпохи «оттепели» // Литературный факт. 2023. № 3 (29). С. 293–322.

⁵⁶ Фильм восточно-немецкого режиссера Конрада Вольфа (1971) совместного советско-восточно-германско-болгарско-югославского производства. Съемки проводились с 1969 по 1970 гг. в Крыму, на Кавказе, в Югославии, Болгарии; задействованы были актеры из восьми стран. Фильм получил специальную премию жюри на VII Московском кинофестивале, имел русскую и немецкую озвучку.

REFERENCES

Baskakov 2021 — Baskakov, Aleksei. «*Ja ne poputchik...*»: *Tomas Mann i Sovetskii Soiuz* [“*I’m not a Fellow Traveler...*” *Thomas Mann and the Soviet Union*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2021. (In Russ.)

Dahlke 1984 — Dahlke, Hans. *Lion Feuchtwanger als Dramatiker. Nachwort* In: *Lion Feuchtwanger. Dramen in 2 Bdn. Bd. 2.*, Hrsg. von H. Dahlke, 685–806. Berlin u. Weimar: Aufbau-Verl., 1984.

Dobryashkina 2025 — Dobryashkina, Anna. “Kosmopolit Sovetskogo Soiuza: Lion Feikhtvanger v amerikanskoi emigratsii (chast’ vtoraiia: 1945–1950 gg.)” [“Cosmopolite of the Soviet Union: Lion Feuchtwanger in the American Exile (Part II: 1945–1950)”]. *Literatura dvukh Americ*, no. 18 (2025): 44–65. (In Russ.)

Flügge 2008 — Flügge, Manfred. *Die vier Leben der Marta Feuchtwanger*. Berlin: Aufbau, 2008.

Kröhnke 1991 — Kröhnke, Karl. *Feuchtwanger im Exil. Sein Verhältnis zur BRD, zur DDR und zu den USA*, taz. 15.11.1991. <https://taz.de/Feuchtwanger-im-Exil/!1694075/>.

Maierhofer 2008 — Maierhofer, Waltraud. *Lion Feuchtwangers Theaterstück “Wahn oder der Teufel in Boston” — Ein Beitrag zur deutschen Vergangenheitsbewältigung?* Exil. Jg. 28 (März 2008): 98–115.

Skierka 1984 — Skierka, Volker. *Lion Feuchtwanger. Eine Biographie*. Berlin: Quadriga Verl., 1984.

Shcherbinina, Olga I. “«Uplyvalo semero romantikov». Pervaiia poezdka gruppy sovetskikh zhurnalistov v SShA epokhi «ottepeli»” [“‘Seven Romantics Sailing Away.’ Soviet Journalists on the First Cultural Exchange Visit to the US during the Khrushchev ‘Thaw’”]. *Literturnyi fakt*, no. 3 (29) (2023): 293–322. (In Russ.)

Stephan 1998 — Stephan, Alexander. *Im Visier der FBI. Deutsche Exilschriftsteller in den Akten amerikanischer Geheimdienste*. Berlin: Aufbau Taschenbuch Verl., 1998.

© 2025 А.В. Добряшкина

Дата поступления в редакцию: 15.09.2025

Дата одобрения рецензентами: 12.10.2025

Дата публикации: 25.12.2025

© 2025 Anna V. Dobryashkina

Received: 15 Sept. 2025

Approved after reviewing: 12 Oct. 2025

Date of publication: 25 Dec. 2025